

М.А.Шалина

ЭНТЕЛЕХИЯ ИМЕНИ В ПОЭТИКЕ ДОСТОЕВСКОГО: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ В СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Освещаются аспекты ономапозтики Ф.М.Достоевского в перспективе изучения творчества классика в средней и высшей школе. Энтелехия имени в поэтике писателя включает не только завершенность образа конкретного героя в его ониме, но нередко воплощение в нем концепции всего произведения, а также вводит в творческую лабораторию классика, открывает векторы для осмысления художественной и ценностной системы автора. В творчестве Достоевского нет случайных имен. Поэтонимы даже эпизодических персонажей образуют определенное семантическое поле, выводящее читателя в нужное ассоциативное пространство. Вместе с тем объединение тезоименных героев или обладающих онимическими типологическими сходствами позволяет выявить художественные константы творчества писателя.

Ключевые слова: Ф.М.Достоевский, ономастика, ономапозтика, антропонимика, типология, интерпретация, русская литература, преподавание, художественная система, аксиологические доминанты

Если, по признанию писателей-творцов, замысел произведения начинается у художника с конструирования в сознании пространства действия, то создание образа персонажа увенчивается его именованием. Имя героя в литературном произведении, конечно, не бывает случайным, однако «говорящесть» онимов у писателей обладает разной степенью семантической прозрачности. И всегда намечает «навигационную карту» для следования по пути авторского замысла не только о герое, но и о произведении в целом. По мысли С.Н.Булгакова, «имя есть сила, семя, энергия. Оно формует, изнутри определяет своего носителя: не он носит имя, которым называется, но в известном смысле оно его носит как внутренняя целепричина, энтелехия, по силе которой желудь развивается дубом, а зерно пшеничным колосом, хоть судьбы разных колосьев могут быть и различны» [1, с. 160].

В процессе преподавания литературы в средней и высшей школе представляется чрезвычайно важным для формирования соответствующих профессиональных филологических компетенций уделять внимание ономапозтике художественных текстов, а также выстраивать на основе наблюдений за авторской стратегией именнаяречения общую систему, которая позволит не только углубить понимание конкретного произведения, но и художественного мира, аксиологических доминант писателя, а также даст представление о социокультурных особенностях эпохи.

По утверждению П.Флоренского, «образы <...> суть не что иное, как имена в развернутом виде. Полное развертывание этих свитых в себя духовных центров осуществляется целым произведением, каковое есть пространство, силового поля соответствующих имен» [2]. Данный тезис как нельзя лучше иллюстрирует творчество Ф.М.Достоевского, у которого поэтонимы центральных героев заключают в себе не только «свернутую» концепцию образа, но и семантическую программу всего произведения, предоставляя при этом широкие возможности для интерпретационного сотворчества истолкователям.

В функциональном отношении в применении к поэтике произведений можно условно выделить трехуровневый подход к прочтению символизма имени у Достоевского: социально-типическое в именах действующих лиц соотносимо с историческим, событийным уровнем; индивидуальное — временное — в героях нагружено метафорическим слоем прочтения, при котором необходимо учитывать различные текстуальные коннотации; уровень же вечного, бытийного реализуется через символическое значение имен, где важна и этимология, и генеалогия.

По понятным причинам фаворитом исследовательского внимания к своему имени можно считать центрального героя хрестоматийного романа «Преступление и наказание» Родиона Романовича Раскольникова. Обобщая сказанное в науке о фамилии героя, следует выделить явную лексическую ассоциацию с расколом — насильственным нарушением цельности. На «верхнем» уровне читательского восприятия работает ассоциативная связь с топором — орудием убийства (и самоубийства, ведь герой признается потом Соне: «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!..») [3, т. 6, с. 322]). В подтекстовом слое реализуется комплекс размышлений Достоевского о проблеме русского религиозного раскола. М.С.Альтман указывал, что в 60-х гг. XIX в. в русских редакционных кругах имела популярность концепция, по которой «раскольники, поддержавшие в прошлом восстания Степана Разина и Пугачева, могут и в настоящее время быть использованы революционерами для антиправительственной и антицерковной деятельности» [4, с. 43]. Герой романа «Бесы» Шатов замечает: «С Петра Великого у нас два раскола было — высший и низший» (11, 88). Под «высшим» и «низшим» расколами имеется в виду как раскол единства русской православной Церкви, так и раскол общества, когда интеллигенция начала свой трагический отрыв от исконной живодательной народной почвы. Таким образом, историко-культурный контекст фамилии героя выводит к мысли как о генезисе расколотого между разумом и сердцем двойственного героя, так и о губительных последствиях исторического культурного раскола для личности и социума в целом.

Программу pro et contra воплощают также имя и отчество персонажа. Антропоним *Родион* апеллирует к ассоциациям со словом родина, родной, ведет свою этимологию от греческого «розовый» или «житель острова Родос», соотносясь с семантическим полем восточного христианства. Патроним же *Романович* (лат. Romanus — римский, римлянин) отсылает к Риму и напоминает о западном католичестве. Образ героя и сюжет романа определяется борьбой противоположных начал «своего» (почвенного) и «чужого» (западного), эгоизма и альтруизма, горделивого разума и прозорливого сердца. Духовная задача героя — преодолеть раздвоенность в себе, восстановить прерванную гордыней и преступлением связь с Творцом и творением (родными, родиной, народом, природой). И здесь Достоевский снова реализует свой художественный принцип диалектики: Раскольников духовно воскресает, находясь в каторжном заключении («Мертвом доме»): освободившись от «духоты» Петербурга и камня-идеи, герой наконец оказывается на «воздухе» — в необозримой перспективе сибирской степи, и воскресение его подобно выходу Лазаря из гробницы: «...он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим...» (6, 421).

Имя центрального героя романа «Идиот» *Льва Николаевича Мышкина* не только раскрывает идейную концепцию произведения, но и содержит в себе ответ на полемику, возникшую более чем столетие спустя. Христоподобный образ князя Мышкина в литературоведении долгое время трактовался исключительно в качестве положительного. Так, даже идеологический оппонент писателя М.Е.Салтыков-Щедрин понимал образ Мышкина как попытку представить «тип человека, достигшего полного нравственного и духовного равновесия», т.е. вполне гармоничного [5]. Однако в конце XX века в контексте постмодернистского подхода к интерпретации художественного текста с его принципами «смерти автора» и свободы читательской рецепции, происходит резкая смена курса и появляются научные работы, в которых говорится о провале — либо миссии героя, либо художественной задачи Достоевского. Центр полемики — решение вопроса о соответствии образа Мышкина «князю-Христу», как именует его Достоевский в черновиках. Интерпретаторы клеймят героя самозванцем, «лжехристом», «суррогатом Христа» [6, с. 42], строителем «горизонтального» храма (то есть земного, в противовес вертикальному — небесному, духовному) [7, с. 354].

Ответ на полемические вопросы относительно миссии героя видится в истолковании его оксюморонного имени. *Лев* — имя царственного животного, с давних времен символизировавшего Иисуса Христа. Имя Лев говорит о силе и мощи. Однако герой наделен фамилией *Мышкин*, свидетельствующей о слабости, умалении. Налицо парадокс, заложенный в антропониме. Ключом к разрешению его служит отчество героя. Патроним *Николаевич* — от имени Николай, восходящий к древнегреческим словам νικᾶω — «побеждать» и λαός — «народ», то есть «побеждающий народ». А.Е.Кунильским высказана убедительная мысль о намеренном снижении автором образа своего христоподобного героя ввиду принципа кенозиса, означающего Божественное самоуничижение Христа через вочеловечение вплоть до вольного принятия Им крестного страдания и смерти [8]. Тогда программа имени героя прочитывается как «победительная сила слабости», что соответствует исконному замыслу писателя.

Принцип разворачивания концепции произведения из имени центрального героя работает во всех романах пятикнижия Достоевского, однако с различными «пусковыми механизмами» восприятия. Так, программа имени «силового центра» романа «Бесы» *Николая Всеволодовича Ставрогина* прочитывается как «всепобедительный (или владеющий народом) крест» (фамилия героя происходит от греческого «ставрос» — крест, имя и патроним несут семантику силы: *Николай* — греч. «победитель народов», *Всеволодович* — от древнерусск. «всем владеть»). Между тем в романе перед нами противоречивый, скандальный герой, словно эманулирующий «бесов» из бездны собственной гордыни. Финал героя более чем трагичен и не оставляет никаких надежд на его духовное спасение или оправдание.

В данном случае значение имени прочитывается путем от обратного. Уже в портрете героя, как и в его поведении, задана нарочитая амбивалентность: «казалось бы писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен» (10, 37). Дело в том, что образ Ставрогина вырос из замысла Достоевского написать «житие великого грешника», то есть отразить духовный путь человека от самого низкого падения до раскаяния и возвышения в духовном подвиге. Ставрогин предстает перед читателем личностью титанической, однако не имеющей твердых нравственных оснований. Сам писатель характеризовал его как «целый социальный тип <...>, наш тип, русский, человека праздного, не по желанию быть праздным, а потерявшего связи со всем родным и, главное, веру, развратного из тоски, но совестливого и употребляющего страдальческие судорожные усилия, чтоб обновиться и вновь начать верить...» (29-1, 232. — Курсив Достоевского. — М.Ш.). Герой наделен необычайным потенциалом, он мог бы совершать подвиги, однако, не будучи укорененным в народно-национальной почве и вере, он не выдерживает своего креста, не справляется с миссией быть «солнцем» для всех, кто взирает на него с надеждой.

Особое внимание исследователей привлекают нарочито повторяемые писателем из произведения в произведение имена действующих лиц или поэтонимы, объединенные общностью семантического поля (например, «каменные» имена или «птичьи» фамилии героев [9; 10; 4, с. 72-74]). Персонажи с дублируемыми онимами вызывают и даже формируют определенные читательские ассоциации, ожидания относительно их характеров, поведенческих особенностей и образуют специфическую типологию. В одном случае, это, например, любимые писателем *Софии* — смиренномудрые женщины, всегда являющиеся помощницами героям-идеологам, мужчинам, на пути становления в духовной жизни (Сонечка Мармеладова для Раскольникова, Софья Улитина в «Бесах» — для Степана Трофимовича, Софья Андреевна, мать Подростка, —

для Версилова). В другом — онимы отрицательной семантики, к которым, прежде всего, следует отнести имя *Петр* (и, соответственно, патроним *Петрович*). Писатель, безусловно, соотносит его с греческой этимологией «камень» и помнит об ассоциациях с именем первого апостола Петра, призванного стать «краеугольным камнем» Церкви, однако доминирует в ономапэтике автора соотнесение данного имени с образом Петра I, преобразования которого, по убеждению Достоевского, привели к трагическому расколу русского общества, к безбожию. С именем Петра связан и топоним Петербурга, осмысляемый как камень-гроб, «умышленный» город-фантазмагория. Отрывающим от живой жизни рационализмом, безбожием характеризуются образы Петра Петровича Лужина («Преступление и наказание»), экспериментатора-анархиста Петра Верховенского («Бесы»), русского европейца, раскалывающего святую икону Андрея Петровича Версилова («Подросток»), обвинителей Мити Карамазова Петра Фомича Калганова и Петра Ильича Перхотина, Петра Александровича Миусова («Братья Карамазовы») и т.д.

Отрицательные ассоциации с именем Петр имеют у Федора Михайловича и личную обоснованность: Петр Андреевич Карепин, надворный советник, муж сестры Варвары, стал опекуном младших Достоевских после смерти отца, и у начинающего писателя были сложные с ним отношения ввиду материальной зависимости. Брак сестры казался ему вынужденным, он видел в нем «смирение бедности и сиротства перед пошлостью преуспевающего дельца», имя Петр «сделалось для него синонимом делячества» [11, с. 47-48]. В данном случае очевидна сложная творческая лаборатория писателя, где биографические ассоциации не только взаимодействуют с культурными, но и воплощают историософские взгляды в имени.

Можно утверждать, что у Достоевского нет случайных, ничего не значащих имен. Д.С.Лихачев делал предположение, что антропоним рассказчика-хроникера в романе «Бесы» — Антона Лаврентьевича Г-ова — не имеет существенного значения. Однако, как пишет С.А.Скуридина, «отчество Лаврентьевич, вызывает в сознании русского читателя представления о Лаврентьевском списке и ставит вымышленного повествователя «Бесов» в один ряд с составителями летописей, а следовательно, создает образ потомка хроникеров, продолжателя летописных традиций» [12, с. 10]. «Там, где выбор имени кажется на первый взгляд совершенно случайным, при ближайшем рассмотрении проглядывает вполне сознательное отношение писателя», — отмечал один из первых системных исследователей ономапэтики Достоевского А.Бем [13, с. 415].

В достоевковедении существует мнение, что если в именах главных героев преобладает онтологическая, бытийная составляющая, то у второстепенных персонажей она снижается, антропонимы же эпизодических и фоновых действующих лиц, как правило, лишены выхода на символический уровень, ведь их основная функция — создать образ текущей действительности. С данным подходом нельзя согласиться, поскольку даже эпизодические, всего однажды встречающиеся имена образуют необходимый Достоевскому контекст, зачастую имеющий выход именно к метафизическому уровню понимания.

Показательным можно считать эпизод из романа «Бесы», в котором каждый оним участвует в создании единого метатекста. Речь идет о моменте, когда Степан Трофимович Верховенский в обиде покидает имение Скворечники и отправляется в неизвестном для себя направлении скитаться. Впервые оказавшись вне светских салонов, пятидесятирехлетний либерал-«мечтатель» соприкасается с действительностью и с народом: крестьяне, едущие по дороге, подбирают путника, и он решает отправиться вместе с ними в город *Спасов*. На этом — спасительном — пути он встречает книгоношу Софью Улитину, предлагающую ему Евангелие, которое герой принимает с радостью, хотя и с признанием, что «он не читал Евангелия по крайней мере лет тридцать и только разве лет семь назад припомнил из него капельку лишь по Ренановой книге “*Vie de Jesus*”» (10, 486). Здесь Достоевский создает ономастическое силовое поле, в котором проявляется указание на светлый финал романа: дальнейшая судьба героя прочитывается в именах людей, которые окружают его. Приобретение им книги Благовестия тут же получает подкрепление во встрече с *Анисимом Ивановым*, убеждающим Степана Трофимовича ехать в Спасов к *Федору Матвеевичу*. Анисим — греческое имя, означающее «исполнить, завершить», Иван — древнееврейское, «Яхве (Бог) смилостивился, помиловал», то есть персонаж поставлен быть исполнителем воли смилостивившегося Господа, направляющего героя ко спасению. В имени «Федор Матвеевич» нарочито удвоена семантика Божественного дара — с языков древнегреческого (Федор — «Божий дар») и древнееврейского (Матвей — «дарованный Богом»). «О, блажен тот, кому Бог посылает всегда женщину» (10, 491), — восклицает Степан Трофимович, обретая в своем «последнем странствии» *Софью Матвеевну* — «Премудрость, дарованную Богом». (Отметим, что в монологе Верховенского-старшего зазвучит предвещие учения старца Зосимы: «Все и каждый один перед другим виноваты. Все виноваты! [там же]).

Перед смертью, которая настигла его в дороге к Спасову, через звучащее евангельское Слово герой преображается: осознает заблуждения как всей своей жизни, так и русского прогрессивного общества, охваченного революционными, «бесовскими», идеями. Именно в уста Степана Трофимовича Достоевский вкладывает послание, заключающее основной этический смысл романа — надежду на преображение мира, спасение верой во Христа, убеждение в том, что одержимая революционным вихрем Россия будет исцелена, как гадаринский бесноватый, и «сядет у ног Иисусовых...» (10, 499). Герой выполняет «программу» своего имени: *Степан* — (древнегреч.) «венец». Обретая перед смертью откровение о вечной жизни, он *увенчивает* роман гимном любви и бессмертию: «Любовь выше бытия, любовь венец бытия, и как же возможно, чтобы бытие было ей неподклонно? Если я полюбил Его и обрадовался любви моей — возможно ли, чтоб Он погасил и меня и радость мою и обратил нас в нуль? Если есть Бог, то и я бессмертен!» (10, 505).

Еще раз подчеркнем: у Достоевского нет случайных или малозначимых имен. Сущность образа персонажа завершается в его имени, выражая не только себя самое, но экстраполируясь на художественное целое произведения. Включение ономапотических аспектов в практику преподавания истории русской литературы и, в частности, творчества Достоевского, открывает перспективы гораздо более глубокого понимания как конкретного текста, так и художественной системы классика, его аксиологических доминант.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 18-012-90036 «Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы».

1. Булгаков С.Н. Философия имени / Предисл. Л.Зандер. СПб.: Наука, 1998. 446 с.
2. Флоренский П.А. Имена [Электр. ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Onomast/Flor/ (дата обращения: 22.02.2021).
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Ленинград: Наука, 1972—1990. Далее все цитаты Достоевского приводятся по данному изданию с указанием номера тома и страницы в круглых скобках.
4. Альтман М.С. Достоевский. По векам имен. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. 280 с.
5. Щенников Г.К. Положительно прекрасный человек [Электр. ресурс]. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/096/> (дата обращения: 22.02.2021).
6. Меерсон О. Христос или «Князь-Христос»? Свидетельство генерала Иволгина // Роман Ф.М.Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. М.: Наследие, 2001. С. 42-59.
7. Касаткина Т.А. О творящей природе слова: Онтологичность слова в творчестве Ф.М.Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.
8. Кунильский А.Е. Кенотическая природа образа кн. Мышкина // Кунильский А.Е. «Лик земной и вечная истина». О восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф.М.Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. С. 180-190.
9. Скуридина С.А. «Каменные» имена в творчестве Ф.М.Достоевского // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2014. № 15. С. 77-83.
10. Скуридина С.А. Орнитоморфизм ономастического пространства романа Ф.М.Достоевского «Бесы» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2015. № 4(18). С. 171-175.
11. Селезнев Ю.И. Достоевский (Серия ЖЗЛ). М.: Молодая гвардия, 1981. 543 с.
12. Скуридина С.А. Поэтика имени у Ф.М.Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). Воронеж: Научная книга, 2007. 302 с.
13. Бем А.Л. Личные имена у Достоевского. София, 1933. С. 409-434.

References

1. Bulgakov S.N. Filosofiya imeni [Philosophy of the name]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 446 p.
2. Florensky P.A. Imena [The names]. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Onomast/Flor/ (accessed: 22.02.2021).
3. Dostoevsky F.M. Complete works in 30 vols. Leningrad, Nauka Publ., 1972—1990. (Further refs to this issue are in round brackets).
4. Altman M.S. Dostoevskiy. Po vekham imen [Dostoevskiy. By name milestones]. Saratov, Publishing house of Saratov University, 1975, 280 p.
5. Shchennikov G.K. Polozhitel'no prekrasnyy chelovek [Positively wonderful person]. Available at: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/096/> (accessed: 22.02.2021).
6. Meerson O. Hristos ili «Knyaz'-Hristos»? Svidetel'stvo generala Ivolgina [Christ or «Prince-Christ»? Testimony of General Ivolgin]. In: Roman F.M.Dostoevskogo «Idiot»: Sovremennoe sostoyanie izucheniya. Moscow, Naslediye Publ., 2001, pp. 42-59.
7. Kasatkina T.A. O tvoryashchey prirode slova: Ontologichnost' slova v tvorchestve F.M.Dostoevskogo kak osnova «realizma v vysshem smysle» [On the creative nature of the word: Ontology of the word in the works of F.M.Dostoevskiy as the basis of «realism in the highest sense»]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2004, 480 p.
8. Kuniil'skiy A.E. Kenoticheskaya priroda obraza kn. Myshkina [The kenotic nature of the image of the prince Myshkin]. In: Kuniil'skiy A.E. «Lik zemnoy i vechnaya istina». O vospriyatii mira i izobrazhenii geroya v proizvedeniyah F.M.Dostoevskogo. Petrozavodsk, PetrSU Publishing House, 2006, pp. 180-190.
9. Skuridina S.A. «Kamennye» imena v tvorchestve F.M.Dostoevskogo [«Stone» names in the works of F.M.Dostoevskiy]. Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta, 2014, no. 15, pp. 77-83.
10. Skuridina S.A. Ornitomorfizm onomasticheskogo prostranstva romana F.M.Dostoevskogo «Besy» [Ornithomorphism of the onomastic space of F.M.Dostoevskiy's novel «Demons»]. Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya», 2015, no. 4 (18), pp. 171-175.
11. Seleznyov Yu.I. Dostoevskiy [Dostoevskiy]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1981. 543 p.
12. Skuridina S.A. Poetika imeni u F.M.Dostoevskogo (na materiale romanov «Podrostok» i «Brat'ya Karamazovy») [Poetics of names in F.M.Dostoevsky's works (based on the novels «Teenager» and «The Karamazov Brothers»)]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2007. 302 p.
13. Boehm A.L. Lichnye imena u Dostoevskogo [Dostoevsky's Personal Names]. Sofia, 1933, pp. 409-434.

Shalina M.A. The entelechy of the name in the poetics of Dostoevskiy: to the problem of writer's studying in the high and higher school. The aspects of Dostoevskiy's onomapoetics in the perspective of studying the work of a classic in secondary and higher schools are highlighted. The entelechy of the name in the poetics of the writer includes completeness of the image of a specific hero in his onym along with embodiment in it of the concept of the entire work, and also introduces the classic into the creative laboratory, opens vectors for understanding the artistic and value system of the author. There are no accidental names in Dostoevskiy's work. Poetonyms of even episodic characters form a certain semantic field, leading the reader to the desired associative space. At the same time, the unification of the namesake heroes or those possessing onymic typological similarities enables us to reveal the artistic constants of the writer's work.

Keywords: F.M.Dostoevskiy, onomastics, onomapoetics, anthroponymy, typology, interpretation, Russian literature, teaching, artistic system, axiological dominants.

Сведения об авторе. Марина Александровна Шалина — кандидат филологических наук (10.01.01 — русская литература), доцент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания Евпаторийского института социальных наук (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И.Вернадского»; ORCID: 0000-0003-4373-8331; marie_ka@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.02.2021. Принята к публикации 15.03.2021.

Ссылка на эту статью: Шалина М.А. Энтелехия имени в поэтике Достоевского: к проблеме изучения творчества писателя в средней и высшей школе // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 3(36). С. 315-319. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.3(36).315-319

For citation: Shalina M.A. The entelechy of the name in the poetics of Dostoevskiy: to the problem of writer's studying in the high and higher school. Memoirs of NovSU, 2021, no. 3(36), pp. 315-319. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.3(36).315-319